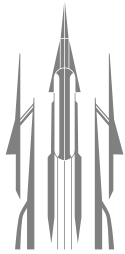
МАГИСТРАЛЬ

РЭЙ БРЭДБЕРИ

Механизмы радости



Москва
2024

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б89

Ray Bradbury

THE MACHINERIES OF JOY

© 1964 by Ray Bradbury
Ray Bradbury trademark used with the permission of Ray Bradbury Literary Works LLC

Иллюстрация на обложке *Н. Портяной*

Брэдбери, Рэй.

Б89 Механизмы радости / Рэй Брэдбери ; [перевод с английского В. Сергеева, В. Задорожного, А. Оганян]. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.— (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-186848-2

У этих механизмов никогда не бывает сбоев. Они вечны, как вечный двигатель и снега на вершине Килиманджаро. Потому что человек, их создавший, один из лучших в мире выдумщиков небывалых вещей, Рэй Брэдбери, писатель, фантаст, поэт, для которого создавать механизмы радости такое же привычное ремесло, как для пекаря делать хлеб, а для винодела — вино.

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Оганян А., перевод на русский язык, 2024
© Задорожный В., перевод на русский язык, 2024
© Чарный В., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке. Оформление. ООО Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-186848-2

Механизмы радости

— Разве не писал где-то Блейк про Механизмы Радости? — спросил отец Витторини. — Ведь сотворил же Господь землю и заставил ее разродиться плотью — потешными мужами и женами наподобие нас с вами? И разве мы — цветущие, сообразительные и добродетельные, однажды в безмятежный полдень радостно отправленные в свет, в благодатные края — не суть Механизмы Радости Господа Бога?

— Если Блейк такое говорил, — ответил отец Брайан, — значит, он никогда не жил в Дублине.

Спускаясь на завтрак, отец Брайан задержался, услышав внизу смех отца Витторини, который, по своему обыкновению, трапезничал в одиночестве. С кем же или над кем он смеялся?

Над нами, подумал отец Брайан, *над кем же еще*.

И снова прислушался.

Напротив по коридору в своей комнате отец Келли тоже притаился, а точнее, медитировал.

Они никогда не давали отцу Витторини закончить завтрак, о нет, а всегда ухитрялись присоединиться к нему, пока он дожевывал последний ломтик тоста. Иначе их весь день мучили бы угрызения совести.

И все же снизу доносился смех, не так ли? Отец Витторини откопал что-то в утренней «Таймс». Или, того хуже, провел полночи в прихожей за компанию с безбожным призраком, незваным гостем — телевизором, погрязая одной ногой в сумасбродстве, другой — в отча-

янье. Уж не замышляют ли извилины Витторини, промытые электронным чудищем, очередную буйную изощренную сатанинскую проделку? Уж не закрутились ли колесики в его беззвучном мозгу, пока тот сидит и нарочно постится, надеясь приманить их, снедаемых любопытством, своим итальянским смехом?

— О боже, — вздохнул отец Брайан, нащупав конверт, заготовленный прошлой ночью. Он затолкал его за пазуху в качестве оберега на случай, если решится вручить его пастору Шелдону. Способен ли отец Витторини разглядеть его сквозь сукно своим быстрым, темным, рентгеновским зрением?

Отец Брайан крепко прижал руку к лацкану, чтобы разгладить малейшие признаки прошения о переводе в другой приход.

— Вперед.

И отец Брайан спустился по ступенькам, нашептывая молитву.

— А, отец Брайан!

Витторини поднял глаза с тарелки хлопьев с молоком. Невежда не удосужился даже посыпать кашу сахаром.

Отцу Брайану почудилось, будто он шагнул в пустую шахту лифта.

Чтобы спастись, он инстинктивно вытянул руку, прикоснувшись к крышке телевизора, которая оказалась теплой. Он не сдержался и спросил:

— Ночной сеанс?

— Да, просидел весь вечер перед телевизором.

— Именно, просидел! — фыркнул отец Брайан. — Сидят с больными или у смертного одра, не так ли? Я и сам когда-то неплохо справлялся со спиритической доской. В ней и то ума было больше. — Он отвернулся от электрического урода, чтобы присмотреться к Витторини. — И вы услышали душераздирающие завывания ведьмаков из... как его? Канаверала?

— В три часа ночи запуск отменили.

— А на вид вы как стеклышко. — Отец Брайан приблизился, покачивая головой. — Что правдиво, не всегда справедливо.

Витторини энергично орошал хлопья молоком.

— А у вас, отец Брайан, такой вид, будто вы ночью совершили большое турне по аду.

К счастью, в этот момент вошел отец Келли. Он тоже опешил, узрев скромные успехи Витторини в поедании своих припасов. Пробурчал что-то обоим святым отцам, уселся и посмотрел на взволнованного отца Брайана.

— В самом деле, Уильям, вид у тебя неважнецкий. Бессонница?

— Есть немного.

Отец Келли оглядел обоих, склонив голову набок.

— Что тут происходит? Что-то стряслось, пока я был в отлучке прошлой ночью?

— У нас тут вышел небольшой спор, — ответил отец Брайан, перемешивая ужасные кукурузные хлопья.

— Небольшой спор! — сказал отец Витторини. — Ирландского священника озадачил итальянский Папа.

— Полноте, отец Витторини, — возразил отец Келли.

— Пусть продолжает, — предложил отец Брайан.

— Благодарю за дозволение, — очень вежливо сказал Витторини, по-дружески кивнув. — II Папа является постоянным источником благочестивого раздражения по меньшей мере некоторой части, если не всего ирландского духовенства. Почему нету Папы по имени Нолан? Почему шапочка красная, а не зеленая? И вообще, почему бы не перенести собор Св. Петра в Корк или Дублин, скажем, в двадцать пятом веке?

— *Этого-то*, надеюсь, никто не говорил, — сказал отец Келли.

— Я человек гневный, — сказал отец Брайан, — и во гневе мог бы это *подразумевать*.

— Гневный? С какой стати? И с какой целью это подразумевать?

— Вы слышали, что он сейчас сказал про двадцать пятый век? — вопросил отец Брайан. — Это когда Флэш Гордон и Бак Роджерс влетают в окно баптистерия, пока ваш покорный слуга пытается найти выход.

Отец Келли вздохнул.

— О боже, опять эта шутка?

Отец Брайан почувствовал, как кровь обожгла его щеки, но заставил ее отхлынуть в более прохладные части тела.

— Шутка? Да такие шутки ни в какие ворота не лезут! Целый месяц только и слышишь: Канаверал, траектории, астронавты. Можно подумать, на дворе Четвертое июля: он ночами напролет носится со своими ракетами. Это не жизнь, а полуночный разгул в вестибюле в обнимку с машиной Медузы горгоны, которая замораживает разум всякому, кто на нее только взглянет. Я не могу уснуть при мысли, что в любой миг весь дом может взлететь на воздух.

— Это понятно, — сказал отец Келли. — Но какое это имеет отношение к Папе?

— Не к нынешнему, а к предпоследнему, — устало сказал отец Брайан. — Отец Витторини, покажите ему газетную вырезку.

Витторини пребывал в нерешительности.

— Покажите, — настаивал отец Брайан.

Отец Витторини достал небольшую газетную вырезку и положил на стол.

Отец Брайан разобрал напечатанные дурные вести даже в перевернутом виде: «ПАПА БЛАГОСЛОВЛЯЕТ РЫВОК В КОСМОС».

Отец Келли дотянулся одним пальцем, чтобы слегка прикоснуться к вырезке. Он вполголоса прочитал заметку, проводя ногтем под каждым словом:

— «КАСТЕЛЬ-ГАНДОЛЬФО, ИТАЛИЯ, 20 СЕНТ.

Сегодня Папа Пий XII благословил усилия человечества по завоеванию космоса. Понтифик заявил делегатам Международного астронавтического конгресса: «Господь не намерен ограничивать усилия человека по завоеванию космоса».

Папа принял 400 делегатов из 22 стран в своей летней резиденции.

«В этот момент освоения человеком открытого космоса этот Астронавтический конгресс приобретает огромную важность, — отметил Папа. — Он затрагивает все человечество... Человек должен приложить усилия, дабы по-новому осмыслить свое место относительно Бога в его вселенной».

Голос отца Келли умолк.

— Когда она была напечатана?

— В 1956 году.

— *Так* давно? — Отец Келли положил вырезку. — *Я* ее не читал.

— Похоже, — сказал отец Брайан, — мы с вами вообще мало читаем.

— Ее вполне можно было упустить из виду, — сказал Келли. — Она же такая крошечная.

— Но в ней великая идея, — вдохновенно подхватил отец Витторини.

— Дело в том...

— Дело в том, — перебил его Витторини, — что, когда я впервые заговорил об этой заметке, моя правдивость оказалась под большим вопросом. А теперь, как видите, я очень близок к правде.

— Конечно, — быстро согласился отец Брайан, — но, как писал наш поэт Уильям Блейк, «если у правды умысел злой, будет она хуже кривды любой».

— Да, — Витторини проявил еще больше дружелюбия. — А не писал ли Блейк:

«*В том, что видишь — не сомневайся,*
А то не уверуешь, как ни старайся.
Коль Солнце и Луну терзали бы сомнения,
То им не миновать мгновенного затмения».

— Очень даже подходит, — добавил итальянский священник, — к Эпохе космоса.

Отец Брайан смерил взглядом одиозного субъекта.

— Я был бы вам признателен, если бы вы не цитировали нам нашего же Блейка.

— *Вашего* Блейка? — переспросил худощавый бледный человек с ровным свечением темной шевелюры. — Любопытно, а я всегда думал, что он англичанин.

— Поэзия Блейка, — изрек отец Брайан, — всегда служила источником утешения моей матушке. Она говаривала, что по материнской линии он ирландец.

— Покорно признаю, — согласился отец Виттории. — Но вернемся к заметке. Теперь, когда мы ее обнаружили, самое время заняться изучением энциклики Пия XII.

Настороженность отца Брайана, служившая ему запасной нервной системой, подала сигнал тревоги, заставив поежиться.

— Что еще за энциклика?

— Ну как же, про космические путешествия.

— Не может быть!

— Может.

— Энциклика? Про космические путешествия?

— Особая.

Оба ирландских священника чуть не опрокинулись на своих стульях от взрывной волны.

Отец Витторини выщипывал приставшие к рукаву ворсинки и крошки со скатерти, словно отряхиваясь после взрыва.

— Мало того что он пожимал руки астронавтской братии, расхваливал и все такое, — говорил отец Брайан

упавшим голосом, — так он еще и сочинительством занялся.

— Более того, — сказал отец Витторини, — я слышал, он вознамерился высказаться о проблеме жизни в других мирах и ее воздействии на христианское мышление.

И каждое из этих слов буквально вдавливало их обоих в спинки кресел.

— Вы *слышали*? — повторил отец Брайан. — А сами еще не читали?

— Нет, но собираюсь...

— У вас уйма планов, а помыслы ужасны. Отец Витторини, иногда, как ни прискорбно, вы говорите совершенно неподобающим образом для священнослужителя Матери-Церкви.

— Я говорю, — ответил Витторини, — как итальянский священник, оказавшийся в меньшинстве на зыбком богословском болоте, среди превосходящих сил клерикалов по имени Шоннесси, Налти и Флэннери, которые устраивают толчею и давку, как стадо оленей или бизонов, стоит мне прошептать слова «папская булла».

— Не сомневаюсь, — и тут отец Брайан покосился в сторону аж самого Ватикана, — что это вы, если бы могли находиться там, надоумили Его Святейшество заниматься всей этой космической белибердой.

— Я?

— Вы! Ну не мы же! Именно вы притаскиваете ворохами глянцевые журналы с космическими кораблями на обложках, с грязными зелеными монстрами о шести глазищах и семнадцатью драндулетами, гоняющимися за полураздетыми девицами на какой-нибудь очередной луне. Я же слышу, как вы по ночам повторяете за телечудовищем обратный отсчет: десять, девять, восемь — и так до единицы, от чего мы страдаем в ожидании жутких содроганий, от которых вот-вот повыскакивают пломбы из наших зубов. Вы — один итальянец здесь,

другой в Кастель-Гандольфо, прости меня, Господи, — умудрились повергнуть в уныние все ирландское духовенство!

— Мир вам обоим, — сказал, наконец, отец Келли.

— Я обрету мир, чего бы это ни стоило, — сказал отец Брайан, доставая конверт из кармана.

— Уберите, — велел отец Келли, догадываясь о содержимом.

— Пожалуйста, передайте это пастору Шелдону.

Отец Брайан грузно поднялся, озираясь в поисках выхода из комнаты, и неожиданно исчез.

— Видите, что вы натворили! — сказал отец Келли.

Не на шутку озадаченный, отец Витторини прервал трапезу.

— Однако же, отец Келли, я всегда считал это дружеской перебранкой: он подтрунивал надо мной, я — над ним; его розыгрыши были грубоваты, мои — помягче.

— Ваши игрища затянулись, и забавы, будь они неладны, приняли нешуточный оборот! — сказал Келли. — Ах, вы не знаете Уильяма, как знаю его я. Вы и впрямь нанесли ему рану.

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы залатать ее пластырем.

— Латайте седалище своих штанов! Прочь с дороги! Теперь это моя забота. — Отец Келли схватил со стола конверт и посмотрел на просвет. — Рентгеновский снимок души несчастного человека. О боже!

Снова оставшись в трапезной наедине с собой, отец Витторини вспомнил о паре-тройке непрожеванных кукурузных хлопьев, начисто лишенных вкуса. И пришлось долго и медленно работать челюстями, чтобы их проглотить.

Только в послеобеденный час в чахлом садике на задворках церковного дома отец Келли встретился с отцом Брайаном и вернул конверт.

— Вилли, я хочу, чтобы ты это порвал. Я не допущу удалений в разгар игры. Сколько времени длится это ваше противостояние?

Отец Брайан вздохнул, взял конверт, но рвать не стал.

— Это нашло на нас мало-помалу: сначала я цитировал ему ирландских авторов, а он мне — итальянские оперы. Потом я описывал ему Келлскую книгу в Дублине, а он был моим гидом по Ренессансу. Хвала Господу за малые радости: если бы он обнаружил папскую энциклику про пресловутые космические путешествия раньше, я бы ушел в монастырь, где святые отцы хранят обет молчания. Но даже там я бы слышал и вел обратный отсчет запусков в Канаверале на языке жестов. Какой бы из него получился адвокат дьявола!

— Полноте!

— Я потом искуплю вину за это. Просто этот тюлень, черная выдра, резвясь, поигрывает с догмой Церкви, словно с пестрым мячиком. Пускай тюлени кувыркаются себе на здоровье, но не надо их примешивать к истинным ортодоксам, как ты и я! Простите меня за гордыню, отец Келли, но вариации на тему истины происходят всякий раз, когда в наши ряды арфистов влезает мелкота со скрипочками пикколо, вы не находите?

— Вот ведь загадка, Уилл: мы, служители Церкви, призваны быть примером того, как ладить друг с другом.

— Кто-нибудь удосужился поведать об этом отцу Витторини? Давайте начистоту: итальянцы — это «Ротари», клуб внутри Церкви. Разве они остались бы трезвыми во время Тайной вечери?

— А ирландцы? — пробормотал отец Келли.

— Мы бы, по крайней мере, дождались ее окончания!

— Ладно, в конце-то концов, церковники мы или цирюльники? Так и будем придираться к пустякам или обреем Витторини его же бритвой? Уильям, неужели у тебя нет плана действий?

— Может, пригласим баптиста в посредники?

— Катись ты со своим баптистом! Ты изучил энциклику?

— Энциклику?

— Ты так и сидел сложа руки после завтрака? Видимо, да! Давай прочитаем этот эдикт про космические путешествия! Запомним, выучим назубок и контратакуем ракетного человека на его же территории! Вперед, в библиотеку! Что выкрикивают юнцы в наши дни? Пять, четыре, три, два, один — пуск?

— Или более грубый вариант.

— Значит, выкрикивай грубый! И следуй за мной!

Заходя в библиотеку, они встретили выходящего из нее пастора Шелдона.

— Бесполезно, — улыбнулся пастор, глядя на их разгоряченные лица. — Вы ее здесь не найдете.

— Чего мы здесь не найдем? — Отец Брайан перехватил взгляд пастора, упавший на все еще прилипшее к пальцам письмо, и быстро припрятал его. — Чего мы не найдем, сэр?

— Космический корабль малость великоват для нашего скромного жилища, — ответил пастор, тщетно пытаясь навести завесу таинственности.

— Значит, итальянец и вам все уши прожужжал? — вознегодовал отец Келли.

— Нет, но раскаты гремят по всему дому. Вот я и пришел, чтобы удостовериться лично.

— Так вы на *нашей* стороне? — с облегчением вздохнул Брайан.

Глаза пастора Шелдона погрустнели.

— Разве здесь есть своя или чужая сторона, святые отцы?

Они вошли в маленькую читальню, где отец Брайан и отец Келли, испытывая неловкость, уселись на краешки стульев. Пастор Шелдон стоя наблюдал за их дискомфортом.

— Итак, почему вы боитесь отца Витторини?

— Боимся? — отец Брайан, казалось, вздрогнул от этого слова и тихо воскликнул: — Скорее злимся.

— Одно вытекает из другого, — признал Келли, продолжая. — Видите ли, пастор, некий городок в Тоскане двигает камни в Мейнуте, что неподалеку от Дублина, как вам известно.

— Я ирландец, — терпеливо сказал пастор.

— Вот именно, пастор, и нам непонятно превеликое спокойствие, с коим вы взираете на эту катастрофу, — сказал отец Брайан.

— Я калифорнийский ирландец, — ответил пастор.

И выждал, пока сказанное будет усвоено. Когда смысл слов дошел до них, отец Брайан жалобно простонал:

— А! Мы *запамятовали*!

И взглянул на пастора, и узрел недавний загар и смуглую кожу того, кто разгуливал, обратив свой лик к солнцу, словно подсолнух, даже здесь, в Чикаго, впитывая местный скудный свет и тепло для поддержания своего бытия и цвета лица. Перед ним стоял человек в рясе, под которой по-прежнему угадывалось телосложение теннисиста и бадминтониста с крепкими жилистыми руками гандболиста. На кафедре одного взгляда на его парящие в воздухе руки было достаточно, чтобы представить, как он плавает под теплыми калифорнийскими небесами.

Отец Келли усмехнулся.

— О, вот она, ирония незадачливой судьбы. Отец Брайан, а вот и наш искомый баптист.

— Баптист? — спросил пастор Шелдон.

— Без обид, пастор, просто мы собирались найти посредника, и вот нашли вас, ирландца из Калифорнии, познавшего студеные метели Иллинойса, отутюженные катком газоны и январский загар. Мы же рождены и взращены на буграх Корка и Килкока, пастор. Мы не оттаем